

ВОРОНЕЖСКОЕ ДВОРЯНСТВО ОБ УСЛОВИЯХ ОТМЕНЫ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

М. Д. Карпачев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 8 ноября 2011 г.

Аннотация: освещается позиция дворянства Воронежской губернии по отношению к основным условиям отмены крепостного права, показаны различия в подходах дворянства и администрации к вопросам земельного обеспечения крестьянства, а также к условиям финансирования реформы.

Ключевые слова: дворянство, отмена крепостного права, условия, Воронежская губерния, дворянские депутаты, проекты крестьянского освобождения.

Abstract: the article is devoted to the Voronezh gentry's attitudes to the official program of the peasant emancipation of Russia in 1861. The author describes the gentry's critics of administrative program of land distribution and financial conditions of emancipation.

Key words: gentry, Peasant' Emancipation, conditions, Voronezh region, deputies of the gentry, projects of the peasant' emancipation.

В исторической литературе за Центральным Черноземьем давно установилась репутация оплота крепостничества. Дворянству черноземных губерний историки и публицисты неизменно адресовали упреки в откровенной реакционности и в сословном эгоизме. Практически в любом отечественном учебнике по отечественной истории даются именно такие сугубо нелестные оценки [1, с. 176–185]. Между тем анализ многочисленных откликов волновавшихся в канун крестьянской эмансипации дворян убеждает, что реальная картина не была столь односторонней и одиозной.

Отмена крепостного права в Воронежской губернии имела свою специфику. Прежде всего, доля помещичьих крестьян в составе сельского населения была здесь относительно небольшой. Губерния, вопреки бытующему мнению, отнюдь не являлась оплотом крепостничества. Накануне отмены крепостного права в губернии насчитывалось 1874 помещика. Некоторые из них имели не по одному имению, кроме того, некоторые владельцы жили в других губерниях. Поэтому число воронежских владельческих имений составляло около 2400. Всего же дворян числилось 11,5 тыс., причем потомственных и личных было примерно поровну (соответственно 5775 и 5726). Ко времени реформы в частном помещичьем владении находилось около 503 тыс. воронежских крестьян и несколько больше 2,3 млн десятин* земли и леса [2, с. 142]. Государственных же крестьян ко

времени реформы насчитывалось около 1,3 млн чел., в пользовании которых находилось свыше 3,1 млн дес. казенной земли (не считая леса). Государственные крестьяне были прикреплены к государственной земле, платили оброки государству, но личной крепостной зависимости не знали. Крестьянство губернии, таким образом, представляло две неравные группы: около 29 % из них были помещичьими, а 71 % – государственными [3, с. 245]. Около 500 дворов воронежских крестьян являлись удельными, они принадлежали императорскому двору. Но, как и всюду по России, ожидавшаяся отмена крепостного права должна была изменить жизнь всех крестьян. По правовому стандарту 1861 г. (хотя и на иных экономических условиях) в 1863 и 1866 гг. были проведены реформы удельной и государственной деревни. После этих реформ все категории крестьянства в юридическом отношении сливались в одно новое сословие *свободных сельских обывателей*, а в статистических справочниках пореформенного времени появились отдельные рубрики частновладельческих и крестьянских надельных хозяйств.

Как известно, поворотное значение в деле подготовки крестьянской реформы имела публикация в конце ноября 1857 г. рескрипта Александра II Виленскому, Ковенскому и Гродненскому генерал-губернатору В. И. Назимову [4, с. 82–83; 5, с. 71–91; 6, с. 15–16]. Дворянство этих губерний получило высочайшее разрешение на открытие губернских комитетов, в которых должны были разрабатываться местные проекты крестьянского освобождения. Правда, дворянам велено было при обсуждении отталкивать

* Десятина – единица площади в России до 1918 г., равная примерно 1,1 га (далее для краткости – дес.).

© Карпачев М. Д., 2012

ся от правительственной программы, разработанной либеральными чиновниками Министерства внутренних дел. Программа же эта включала несколько принципиальных, по мнению реформаторов-бюрократов, положений. Будущая реформа, указывалось в рескрипте, должна предусмотреть личное безвозмездное освобождение крестьян. При этом все земли имения, включая предоставлявшиеся крепостным усадьбы и пахотные наделы, должны были остаться в законной собственности владельцев, но крестьяне в обязательном порядке получали земли в пользование. За такое пользование освобождавшиеся крестьяне обязывались нести установленные по определенным нормам повинности. Усадьбы же с приусадебной землей (так называемую усадьбную оседлость) крестьяне должны были выкупать в собственность [7, с. 1–4; 4, с. 123–150].

Публикация рескриптов с ясно выраженной волей царя вызвала большое волнение среди воронежских дворян. Причин для острого беспокойства было немало. Грядущая реформа должна было круто изменить буквально все устои помещичьей жизни. Уже первые слухи об освободительных замыслах правительства тяготили души владельцев имений. «Такого общего пьянства, вызванного у одних потерей веры в свое будущее и обманутыми надеждами на скорое наступление лучшего будущего у других, кажется, в России никогда не было ни до, ни после этой эпохи. И это продолжалось вплоть до появления манифеста об улучшении быта помещичьих крестьян», – отмечал знаток провинциального дворянства С. Н. Терпигорев [8, с. 15].

Многие дворяне встревожились из-за того, что пришедшие свыше слухи о близящемся освобождении могут спровоцировать крестьянские волнения или даже элементарные отказы выполнять барские распоряжения. Губернский предводитель дворянства И. В. Гагарин уже через несколько дней после знакомства с рескриптом Александра II В. И. Назимову поспешил предостеречь об этом министра внутренних дел С. С. Ланского. Но министр на эти тревоги смотрел с совершенно противоположной позиции. Вы боитесь беспорядков, отвечал он Гагарину. «Но правительство и дворяне многих губерний имеют основания опасаться, что подобные беспорядки произойдут при настойчивом стремлении к сохранению прежнего устройства сельского сословия» [9, л. 12]. Уже в этой полемике декабря 1857 г. отчетливо выявилось противостояние интересов дворянства и либеральной бюрократии, которое будет сопровождать процесс подготовки реформы вплоть до издания Манифеста. Понятно, что в навязывании условий грядущего преобразования Гагарин сразу же усмотрел знак правительственного недоверия дворянству. На такой упрек министр решительно возразил, указав, что, напротив, именно дворянам доверено решать судьбу крестьян [9, л. 13].

Объявление о правительственных намерениях поставило дворян перед сложными проблемами. Было очевидно, что первое сословие столкнется с неминуемыми материальными потерями. При этом реагировать дворянству приходилось в весьма сложной психологической обстановке. С воцарением Александра II в общественном мнении все шире распространялось представление об одиозности крепостничества. Вольно или неволью дворянство оказалось в положении сословия, которому пришлось оправдываться: в общественном мнении ему отводилась неприглядная роль защитника социального анахронизма.

И. В. Гагарин 3 января 1858 г. провел совещание, на котором присутствовали все уездные предводители, депутаты и некоторые другие представители сословия. Надо было как-то реагировать на монаршие предначертания. Гагарин от лица воронежских дворян поспешил выразить верноподданнический восторг, но со своеобразным подтекстом. Он благодарил царя за ясно выраженное желание освободить... дворян от многовековой и тяжелой обузы(!). Как заявил Гагарин, именно на плечах дворянского сословия до сих пор лежали заботы о материальном и нравственном благополучии крестьянского населения. В том числе и ответственность за исправное исполнение крестьянами государственных повинностей, включая рекрутскую и податную. При этом, патетически восклицал предводитель, находятся люди, готовые упрекнуть помещиков в эгоизме и даже обвинить целое сословие «за проступок одного какого-либо члена». Но дворянство, «невзирая на всю тяготу такого положения мужественно несло на раменах своих все это материальное и нравственное бремя крепостного права как завет служения Отечеству и престолу... вот потому и только потому до самого последнего времени дворянство русское не смело позволить себе даже мысли, чтобы искать или домогаться сложения с себя этого важнейшего государственного тягла» [10, л. 8–9]. По мысли Гагарина, дворянство потому и не откликалось так долго на призывы встать на путь добровольного отказа от крепостничества, что оно лучше бюрократии понимало свой нравственный долг перед народом и Отечеством.

Утешив, таким образом, собственное самолюбие, воронежские дворяне, тем не менее, призвали правительство к максимальному соблюдению законности и, следовательно, к сохранению за дворянами всей принадлежащей им собственности. Лидеры воронежского дворянства сразу же увидели в требованиях обязательного наделения крестьян усадьбной оседлостью и пахотными угодьями большую угрозу своим сословным интересам. Но не только. Увидели они большую практическую сложность грядущей реформы. Ситуация казалась до крайности противоречивой. С одной стороны, было件件но, что крестьяне и

впредь останутся основными производителями материальных ценностей государства, а их труд должен стать источником накоплений для намечавшейся модернизации промышленности и путей сообщения. С другой же стороны, дворяне апеллировали к нормам цивилизованного правопорядка, не допускавшим, по их представлениям, принудительного перераспределения собственности, в том числе земельной. Предстоял трудный поиск приемлемого решения. Как точно подметил И. А. Христофоров, в основе отстаивания неприкосновенности помещичьей собственности «могли лежать совершенно различные мотивы – от желания подороже ее продать до стремления сделать ее основой политического влияния» [11, с. 45]. Был и еще один важный мотив: надо было найти способы сохранения за помещиком крестьянского труда.

Гагарин заявил, что в таком важном деле необходимо выяснить общее мнение дворян; для этого он предложил провести целую серию дворянских собраний во всех уездах губернии. Однако правительственным чиновникам энергия воронежского предводителя категорически не понравилась. В организованном сословном выступлении они увидели открытое противодействие своим реформаторским замыслам [12, с. 102–103]. Решительно воспротивился плану Гагарина организовать общедворянское обсуждение министр внутренних дел С. С. Ланской. Он потребовал от губернатора Н. П. Синельникова вмешаться и запретить проведение уездных собраний [10, л. 15].

Тревоги министра можно было понять. Готовящееся освобождение миллионов крепостных беспокоило даже самых горячих поклонников эмансипации. В правительственных сферах широко бытовало опасение, что после освобождения крестьяне могут в массе своей бросить привычный образ жизни и перейти к бродяжничеству. Министерские чиновники боялись возможного социального и экономического хаоса и полагали, что только бюрократический контроль над всеми фазами крестьянского освобождения позволит сохранить устойчивость пореформенных порядков. Коронным властям крайне важно было сохранить стабильность. Вот почему уже 20 марта 1858 г. министр Ланской просил Гагарина об осмотрительности и советовал «без особой огласки» внушать помещикам, что для их собственной пользы «весьма желательно, дабы усадебная оседлость крестьян оставалась именно в теперешнем положении». Следовательно, незачем тревожить крестьян напрасно [9, л. 16]. Министр, разумеется, считал, что он лучше дворян понимает, что им нужно для их собственной безопасности. Правительству вообще хотелось найти формулу освобождения, при которой все были бы довольны: крестьяне надлежащим образом устроены, а дворяне – материально обеспечены.

Правительство, убеждал Гагарина Ланской, стремится к тому, чтобы после отмены крепостного права помещики были обеспечены их поземельной собственностью, а крестьяне имели прочную оседлость и надежные средства к жизни и к исполнению своих обязанностей [9, л. 27]. Дворяне, однако, остались далеки от казенного оптимизма реформаторов и либерально-бюрократических иллюзий не поддержали. Реформа по формуле «и волки сыты и овцы целы» им с самого начала виделась неисполнимой.

Вот почему наиболее развитые в общественном смысле дворяне поспешили сформулировать свое представление о справедливом и законном исходе намечавшейся реформы. Развернутый трактат под громким названием «О преобразовании крепостной системы в России» представил, в частности, помещик Землянского уезда Д. И. Писарев. Документ этот датирован 28 февраля 1858 г. Автор признает, что «по современным понятиям и потребностям» крепостное право следует ликвидировать. Поэтому верховная власть, считал Писарев, имела основания начать подготовку такой реформы. От дворян же требуется добровольная жертва Родине. Впрочем, в такой ситуации возрос риск народного возмущения. Поэтому «помещики предпочтут лучше лишиться части своего имущества, чем рисковать жизнью». Но во имя сохранения законности и общественной справедливости, настаивал Писарев, грядущая реформа не должна лишить дворян земельной собственности. Кроме того, оскудение дворянства, утверждал он, неминуемо обессилит все государство, так как дворянство играет ключевую роль в функционировании всех его структур. Вводимый же чиновниками принцип обязательного наделения крестьян землей фактически подрывает право на законную дворянскую собственность.

Однако воронежского помещика тревожили не только сословные интересы. Он точно подметил, что фактического освобождения бюрократы и не планируют. Причем не делаются свободными ни дворяне, ни крестьяне. Теряя владельческое право, писал Писарев, помещик «остается лицом, ответственным за крестьянина, поселившегося на его земле, и кроме хлопот и забот, возлагаемых на помещика при невозможности вознаграждения со стороны крестьянина, помещик не сохраняет даже право собственности на землю, а в своем имении делается хозяином обязанным или полу-хозяином». Но и крестьянское освобождение без земельной собственности, утверждал Писарев, будет самое шаткое и зависимое от землевладельца. «К освобождению крепостных людей от подданства помещикам самое покойное, надежное и безобидное средство есть выкуп крепостных людей с наделением землею, как дворовых людей, так и крестьян», – заключал Писарев.

Нужна, следовательно, ясность и определенность. Свобода – так свобода. Но вот только, где взять деньги? Выкуп, уверял Писарев, можно произвести и без наличных денег. Он советовал выпустить специальные банковские билеты, фондами которых будут «теперешние крепостные люди с наделенною им землею». Это будет народный долг, погашать который автор предлагал в течение 80 лет оброком с земли, отведенной крестьянам. Освобожденные крестьяне вместе с землей попадают в залог банкам, которые надлежало открыть в каждой губернии. Впрочем, земли, советовал Писарев, можно дать по 1–2 десятины на ревизскую душу, а в малоземельных имениях даже и по полдесятины. Поскольку крепостной люд вместе с землей должен был поступить в залог губернским банкам, постольку Писарев подсчитал даже стоимость и душ, и наделов. Средняя цена души оценивалась им в 60 р. серебром, а средняя стоимость десятины земли – в 35 р. Полагая, что средний по стране надел будет равен 2,5 дес., Писарев нашел, что средняя залоговая стоимость души с наделом составит 147 р. 50 коп.

Очевидно, что как финансист Писарев был наивен и беспомощен. Странное впечатление производит и его идея о передаче в залог банкам как самих крестьян, так и их земли. Он не поясняет, каким мог быть правовой статус заложеного в банке крестьянина. Но здесь важен поиск системного решения вопроса. Писарев хотел решить проблему последовательно и принципиально. «Крепостные люди, обеспеченные благонадежной собственностью, немедленно будут пользоваться совершенною свободою». Помещик же, сохранив большую часть собственности, «будет совершенно устранен от могущих возникнуть неудовольствий между ним и освобожденным крестьянином» [9, л. 71–78].

В течение 1858 г. губернские дворянские комитеты открыли свои заседания повсеместно. Эти новые учреждения состояли из выборных депутатов от каждого уезда (по два), к ним подключались два назначенных губернатором депутата из компетентных дворян. Для проведения выборов во всех уездах весной 1858 г. прошли чрезвычайные дворянские собрания. В Воронежской губернии такой комитет в составе 26 депутатов во главе с губернским предводителем дворянства князем И. В. Гагариным начал свою работу в июле 1858 г. На многие месяцы условия крестьянского освобождения стали предметом оживленных дискуссий и даже ожесточенных споров.

Деятельность воронежского комитета наглядно демонстрирует тот факт, что на протяжении всего периода подготовки реформы коронная администрация и дворянские депутаты находились в состоянии непрерывного и весьма сильного противостояния. Это отразилось даже на финансовом обеспечении

деятельности комитета. Гагарин с первых шагов стал получать выговоры за излишнюю самостоятельность от Ланского и в конце концов был смещен, несмотря на очевидную поддержку на очередных выборах в 1859 г. [12].

Дворянские депутаты скоро убедились, что правительство вовсе не намерено было пускать дело на самотек. Инициировавшая подготовку реформы группа либеральных бюрократов понимала, что без формального объявления крестьянского освобождения как якобы добровольного дворянского пожертвования обойтись нельзя. Но и доверять фактическую подготовку условий реформы губернским дворянским комитетам единомышленники Н. А. Милютин тоже не собирались. Воронежские депутаты очень скоро убедились, что правительственные чиновники по сути дела вынуждают помещиков к «добровольной жертве». Психологическое давление выражалось уже в том, что комитеты создавались «для улучшения быта помещичьих крестьян». «Добровольными» должны были стать заготовленные чиновниками из МВД не приемлемые для большинства дворян условия освобождения. Активную часть депутатов это обстоятельство откровенно оскорбляло. Возникли условия для возникновения политического фрондирования [11, с. 81–117].

Первой и, надо признать, естественной мотивацией большинства воронежских депутатов стала энергичная защита имущественных прав своего сословия. Ярче всего это проявилось в отношении к земельной собственности. Все земли имения помещики, естественно, считали своим законным владением. А так как в черноземном крае именно земля являлась основным мериллом достатка, то воронежские дворяне в большинстве своем стремились минимизировать «добровольные пожертвования». Члены комитета, в частности, предложили ограничить усадьбную оседлость крестьян нормой в 840 кв. сажень вместо дореформенной нормы в 1400 кв. сажень. На это предложение губернатор Синельников откликнулся весьма ядовитым замечанием: «Стало быть, улучшение быта крестьян, имеющих теперь более 840 сажень земли, начнется с того, что у них отнимут большую часть усадьбы» [13, с. 234]. Кроме того, резкое осуждение губернатора вызвало желание дворян получить денежную компенсацию за личное освобождение крестьян. Ретивые депутаты подсчитали, что средняя стоимость крепостной души в губернии составляла в ту пору 114 р. 28 коп. Эта цифра была получена путем капитализации среднего годового дохода с души в 5 руб. 72 коп. Следовательно, при освобождении более 500 тыс. крепостных, считали депутаты, дворяне губернии сразу потеряют более 50 млн руб. Узнав о таких подсчетах, Александр II объявил через губернатора: «Воронежскому

губернскому комитету поставить на вид неуместное его ходатайство» [9, л. 74].

По мнению воронежских депутатов, правительственные чиновники заняли откровенно антидворянскую позицию. Поскольку царя критиковать было невозможно, постольку царское правительство обвинялось в нарушении монарших предначертаний. Предводитель дворянства Нижнедевицкого уезда В. Гринев, в частности, категорически заявил, что осуществление проекта бюрократов-реформаторов приведет к неминуемому разорению дворянства. У многих помещиков его уезда, считал он, земельные владения не превышают 4 дес. на душу, тогда как петербургские чиновники определили здесь норму земельного душевого надела в 3,5 дес. Что же останется помещикам? – вопрошал Гринев и призывал вернуться к ясно выраженным положениям рескрипта 20 ноября 1857 г., гарантировавшим неприкосновенность дворянской собственности [14, л. 68]. Получалось по поговорке: «жалует царь, да не жалует псарь». Такой подход был для депутатов единственно возможным по политическим условиям того времени.

С Гриневым полностью солидаризировался предводитель дворянства Воронежского уезда Ф. Прибытков. В письме Сомову от 30 ноября 1859 г. он прямо заявил, что Редакционные комиссии встали на путь фактического лишения дворянства материальных условий существования. Государь, жаловался Прибытков, ждал от нас жертвы «по возможности». Но предусмотренный для уезда надел в 3,5 дес. с вознаграждением в 8 руб. за эти десятины – это уже не жертва, а «мера, уничтожающая все средства дворян ... потому что земля наша будет оставаться необработанной, ибо крестьянин, будучи в избытке, никогда не захочет наниматься обрабатывать даже и оставшиеся незначительные наши пашни ... Несправедливо отчуждать собственность с назначением ничтожной платы за землю без согласия владельца». Кроме того, даже такую плату невозможно будет взыскать с крестьян. Помещики просто увязнут в безнадежных тяжбах со своими бывшими крепостными [14, л. 64]. О том, что земли отбирают много, а размер повинностей установлен слишком малый, писал и Коротоякский предводитель А. Ржевский. Петербургские чиновники рассчитали размер крестьянской повинности в уезде за земли в размере 1 р. 80 к. за десятину. Между тем средняя цена за наем десятины в уезде 4 р., следовательно, на каждой десятине помещик потеряет 2 р. 20 к. в год. Если же учесть отсутствие обеспечения исправного поступления платежей, то потери помещиков будут еще более внушительными [14, л. 72]. Ржевский умолял повысить повинности хотя бы до 10 р. серебром за высший надел в 3,5 дес. И тут мы потеряем, заявлял он, но все же не так разорительно [там же, л. 73].

Воронежские помещики получали основной доход от обработки крестьянами принадлежавших им земельных угодий. Земля здесь была основным источником хозяйственного благополучия, и расставаться с ней дворяне не желали. Вот почему в губернском комитете громче всего звучало требование об ограждении прав дворянства на всю земельную собственность. Поскольку, однако, правительство ясно дало понять, что оно не может допустить полного обезземеливания миллионов крестьянских хозяйств, постольку помещики здесь стремились к максимальному ограничению размеров крестьянского землепользования. Некоторые из них были даже согласны вовсе отказаться от денежной компенсации за крестьянское освобождение. Большинство членов комитета высказывало мнение о том, что оставление у крестьян дореформенных наделов неминуемо обернется экономическим крахом первого сословия. А вслед за этим непременно рухнут все основы традиционной русской государственности.

Итогом работы комитета стал проект, по которому воронежские дворяне принимали царскую волю, соглашались на «добровольное пожертвование», но при это заявляли, что справедливым условием реформы они считают сохранение за дворянами всей законной собственности, в том числе земельной. Поскольку же освободить крестьян без всяких ресурсов действительно нельзя, то они предлагают передать им в пользование усадьбы, а также полевые наделы, ограниченные 3 десятинами на крестьянский двор. Причем такое пользование должно быть временным. После определенного срока (например, в 12 лет), эти земли должны стать неотчуждаемой собственностью помещиков. И только после такого формального закрепления собственности помещики и крестьяне по добровольным соглашениям должны будут урегулировать все имущественные и трудовые отношения [13, с. 229–249].

Губернатор Синельников и на это предложение комитета ответил резким несогласием. Принимая в соображение среднее число душ в тягле и средний урожай хлеба в губернии, отмечал он, «оказывается, что за определением из одного на обсеменение и для продажи на необходимые в крестьянском быту надобности, снятого с двух десятин озимого и ярового хлеба едва достанет для прокормления тягла» [9, л. 76]. О каком же улучшении быта крестьян может идти речь?

Как видно, предложения воронежского комитета расходились с министерской программой, изложенной в рескрипте Александра II Назимову. Самое главное расхождение состояло в том, что члены воронежского комитета соглашались на передачу крестьянам усадебной и полевой земли только в ограниченное определенным сроком пользование. Идею

постоянного пользования, а тем более обязательного выкупа крестьянами наделов и усадьбы в собственность они поддерживать не желали. Важно отметить, что, с точки зрения некоторых депутатов, признание помещичьей земельной собственности неприкосновенной совсем не означало бы ухудшение материального положения вышедших из крепостной зависимости крестьян.

Либеральные чиновники из Министерства внутренних дел такую позицию воронежских дворян расценили как антиреформаторскую и крепостническую. Весной 1859 г. министр внутренних дел С. С. Ланской добился отрешения И. В. Гагарина от должности губернского предводителя дворянства. В этой должности был утвержден более лояльный к планам реформаторов А. Н. Сомов [12, с. 106].

Столкнувшись с дворянскими возражениями, правительство решило установить контроль над обсуждениями в губернских комитетах. Поэтому в марте 1859 г. был учрежден особый орган по координации всех подготовительных работ. Орган этот носил скромное название – Редакционные комиссии. Несмотря на такое название, учреждение это работало как единая комиссия, в состав которой входили компетентные чиновники и несколько экспертов от общества. Именно Редакционные комиссии, председателем которых был близкий к императору Александру II генерал-адъютант граф Я. И. Ростовцев, и подготовили основные законодательные документы крестьянского освобождения. Редакционными комиссиями это учреждение называлось потому, что именно туда поступали проекты всех губернских дворянских комитетов. Но фактически члены Редакционных комиссий не редактировали поступающие проекты, а самостоятельно разрабатывали всю технологию крестьянского освобождения [5, с. 156]. В конце концов, чиновники-реформаторы дополнили свой проект еще одним исключительно важным указанием: окончательное завершение реформы должно наступить после выкупа крестьянами выделенных усадеб и полевых земель с помощью государственного кредита. Редакционные комиссии настаивали на том, чтобы такой выкуп был обязательным и для помещиков, и для крестьян. При этом размер его должен был определяться по установленным правительством правилам и нормам [там же, с. 173–174].

Дворянский комитет в Воронежской губернии действовал до апреля 1859 г., т.е. несколько дольше установленного полугодичного срока. К этому времени Редакционные комиссии завершили сбор предложений от губернских комитетов и приступили к окончательной доводке проекта реформы. В течение лета и осени 1859 г. журналы заседаний Редакционных комиссий направлялись в губернии, для того чтобы дворяне могли предварительно ознакомиться

с условиями готовившегося проекта и даже высказать свои замечания. Копии этих журналов поступали и в Воронеж, откуда по распоряжению губернатора, но через губернского предводителя, они направлялись в уезды для дворянского ознакомления.

Отклики с мест (а их, как правило, давали уездные предводители) оказались очень любопытными, хорошо иллюстрировавшими позиции воронежского дворянства. Были, впрочем, и формальные отклики, не содержавшие никакой критики проекта редакционных комиссий, – например, от предводителя Коротояжского уезда А. К. Ржевского. Но гораздо больше было весьма содержательных отзывов. Прежде всего, в замечаниях дворян энергично поднималась проблема защиты имущественных прав. Большинство уездных предводителей считали, что вся земля, все угодья и даже все дома и усадебные постройки крепостных крестьян должны быть объявлены безусловной собственностью владельцев. Но объяснялась такая позиция не элементарной жадностью, а желанием добиться юридической определенности либерального, казалось бы, законопроекта.

В откликах очень отчетливо прозвучал мотив непопустительного нарушения Редакционными комиссиями царских обещаний и предначертаний. Как писал Лисаневич, воронежские дворяне дружно и с восторгом отнеслись к рескриптам 1857 г. Но, утверждал он, бюрократы-реформаторы затеяли откровенную ревизию монарших указаний о справедливом для всех сословий ведении дела.

Сильное раздражение у воронежских дворян вызвали определенные петербургскими бюрократами нормы земельного обеспечения крестьян. До сведения местных помещиков доводилось, что высшие нормы душевого обеспечения в губернии устанавливались от 3 дес. (в группе северных уездов) до 4,5 дес. в южных уездах с менее плотным населением.

Гринев сгущал краски. Проведенные после составления уставных грамот подсчеты показали, что реальные потери помещиков не были столь велики. В Воронежском уезде, например, у 305 владельцев имений до 1861 г. находилось в земельной собственности 157 856 дес. земли. Освободившимся крестьянам в надел поступило около 40 тыс. дес. И по другим уездам доля перешедшей в крестьянское надельное землепользование земли колебалась от 25 до 35 % от дореформенного дворянского землевладения [15, л. 26–31]. Исследователями давно установлены и общие итоговые цифры раздела бывшего помещичьего землевладения.

Очень оживленно обсуждался вопрос об обязательном предоставлении крестьянам усадебной оседлости. Согласованная позиция Редакционных комиссий была неизменной: крестьяне должны остаться в своих домах, попытки принудительного

их перемещения решительно отменялись. Чиновники боялись, что принудительные перемещения крестьянских усадеб спровоцируют массовые беспорядки.

Вообще обязательность многих условий крестьянского раскрепощения вызывала у дворян острое недовольство. Не без определенного основания они видели в этом противоречие самому духу эмансипации. Обязательное наделение, да еще по обязательным нормам, а затем обязательный выкуп никак не соответствовали представлениям о свободе хозяйственной деятельности. В этом, в частности, были убеждены воронежские депутаты, отправившиеся в августе 1859 г. в Петербург на дворянский съезд. Здесь Гагарин открыто примкнул к так называемой фронде, т.е. оппозиционному выступлению группы аристократов во главе с А. М. Бездобровым. Идеи Редакционных комиссий он с негодованием аттестовал как стремление «вести административным путем начала коммунизма» [5, с. 191]. Надо признать, что известные основания для столь резкой оценки у воронежского предводителя были. Под прикрытием фигового листка «добровольного пожертвования» либералы-бюрократы, считал Гагарин, заносят в сознание народа зерна социализма. Ни для кого не стало к тому времени секретом, что фактически планировалось, а затем и осуществилось принудительное перераспределение земельной собственности, да еще в громадных масштабах.

Для многих воронежских дворян такое жесткое требование разработчиков реформы было крайне нежелательным. Воронежских помещиков сильно раздражала обязательность целого ряда принципиальных положений готовящейся реформы. Правительственные бюрократы, заявляли некоторые уездные предводители, говорили о предоставлении крестьянам свободы, и об освобождении дворян от прежней ответственности. Но какая же это свобода и какие могут быть свободные сельские обыватели, если практически все главные условия освобождения носят обязательный, фактически принудительный характер, а контроль за их проведением в жизнь должен остаться в руках коронной администрации? Ведь мы и наши предки, заявляли воронежские дворяне, получили земли на законном основании. Уважение к законности, полагали они, требует уважать наши права и доверять нашему желанию цивилизованно отрегулировать имущественные отношения с освобождаемыми крестьянами. Острое недовольствие методами разработки реформы высказал, в частности, предводитель дворян Богучарского уезда И. В. Лисаневич. Свои замечания на журналы Редакционных комиссий он сопроводил письмом к А. Н. Сомову, в котором с горечью написал: «Я убежден, что все наши старания и ясно выведенные замечания ни к чему не послужат, а гг. члены Редакционных комиссий, попросту сказать, нам только по губам мажут» [14,

л. 17]. В проекте Редакционных комиссий, запальчиво восклицал Лисаневич, «ни одного нет положения, которое бы представили в защиту помещика. Дворяне без капиталов – с имениями более заложенными, на чем оснужают они свои хозяйства для существования своего; воспитание детей, уплата кредитным установлениям – все представляет гибель и безвыходное положение дворян!» [там же, л. 67].

Впрочем, отдельные отклики дворян носили вполне конструктивный характер. Их авторы не меньше чиновников заботились о последствиях реформирования для всей страны, в том числе и для крестьян. Тот же Лисаневич резонно отмечал: «Весь европейский опыт протестует против обязательного выкупа. Личную свободу крестьян совершенно невозможно подчинить одновременному и неременному условию – приобретению ими поземельной собственности, потому что это поведет все дело освобождения к страшной запутанности» [14, л. 23]. Вообще, считал предводитель Богучарского уезда, реформаторы не должны навязывать крестьянам и дворянам, как и где им жить. Один хочет быть земледельцем, другой – ремесленником, третий – фабричным, зачем же, вопрошал он, навязывать им обязательный надел, да еще с обязательным выкупом? Освобождение должно быть последовательным. «Личные и по имуществу права крестьян могут и должны быть определены по существующим законам для всех свободных сословий в государстве» [там же, л. 24].

В личном освобождении крестьян без принудительного наделения их помещичьей землей Лисаневич и его единомышленники не видели ничего предосудительного и уж тем более грабительского. В конце концов, вся земля имения являлась законной собственностью помещика. А после ликвидации крепостного состояния помещик окажется не в меньшей зависимости от крестьян, чем крестьяне от него, ибо он будет остро заинтересован в рациональном использовании своих угодий и, конечно, в рабочих руках вчерашних крепостных. Как утверждал Лисаневич, земельное обеспечение крестьян не может быть достигнуто никаким формальным расчетом, «а должно быть разрешаемо единственно свободным полюбовным соглашением помещиков с крестьянами» [14, л. 24]. Во многих откликах воронежских предводителей звучала уверенность, что такие соглашения вполне достижимы, ибо материальная зависимость освобожденных крестьян и их бывших помещиков будет взаимной. Слово же «выкуп земли», писал Лисаневич, должно быть заменено словом «покупка земли», потому что между этими понятиями существует огромная разница, «от которой зависят многие важные последствия». Ведь только покупка может быть результатом обоюдного добровольного и свободного соглашения [14, л. 28].

Любопытно, что Лисаневич, как, впрочем, и другие комментаторы журналов, неизменно подчеркивал, что реформаторы-чиновники отклонились от царских предначертаний. Монарх, напоминал Лисаневич, требовал обеспечить интересы помещиков: между тем, определенный Редакционными комиссиями надел на душу «так велик, что помещик с грустью должен смотреть на свои опустелые поля, не приносящие ему никакой прибыли». Вместо того, чтобы разорять дворян, настаивал богучарский предводитель, следовало бы уменьшить крестьянский надел и тогда у нас «все будет миролюбиво» [14, л. 67].

В рассуждениях Лисаневича сквозила и тревога по поводу будущей крестьянской задолженности. Помещики, считал он, непременно столкнутся с необязательностью крестьянских платежей за выкуп земли. Поэтому богучарский предводитель требовал, чтобы свои долги крестьяне платили казначейству [14, л. 67].

Именно обязательность выкупа земли как для помещиков, так и для крестьян раздражала и беспокоила многих воронежских дворян. Принудительное для всех домохозяев приобретение наделов, замечал предводитель Бобровского уезда Н. А. Северцов, может привести к тому, что часть крестьян разбазарит землю «вследствие лености, беспорядочного хозяйства и пьянства» [14, л. 14]. Совсем не каждый крестьянин мог и хотел быть земледельцем. Но либеральные бюрократы шли, по мнению Северцова, совсем не по либеральному пути принудительного перераспределения земельного фонда в пользу всех крестьян поголовно.

В своем отклике И. В. Лисаневич затронул очень важную и сложную тему экономического прогнозирования. Обязательное и нормированное наделение крестьян земельными наделами, а затем и их выкуп, писал он, приведут к громадной дробности русского земледелия. При сохранении общинного землепользования раздробленность аграрной экономики усугубится чересполосицей. Мобилизация земли в руках крепких хозяев будет сильно затруднена. Неизбежное при обязательном выкупе распыление ресурсов станет большим тормозом в развитии сельского хозяйства пореформенной России [14, л. 16–17]. Весь европейский опыт, писал он, говорит о вреде от «мелкого дробления поземельной собственности». Экономический прогресс, ради которого и начиналась реформа, считал Лисаневич, возможен только при условии действительной свободы хозяйственных отношений. Обязательное же наделение землей всех сельских обществ, да еще и при обязательном выкупе под контролем администрации противоречит самому духу экономической свободы. Идиллическая картина мужицкого царства никак не соответствует задачам преодоления российской отсталости. Зачем, вопро-

шал Лисаневич, крестьянин «непрерывно должен от своего же помещика приобретать в собственность достаточное количество земли, отчего же приобретение это не может быть и от лиц всех других сословий или и от ведомств государственных имуществ? Далее, зачем это ограничение: приобретать крестьянину непременно достаточное количество земли, заключающейся в усадьбе, поле и других угодьях, – отчего же свободному крестьянину не предоставить на самом деле эту свободу в выборе себе того, что действительно ему нужно и пригодно и что сообразуется с его жизненными потребностями?» [14, л. 27].

За подобного рода рассуждениями виден, конечно, не просто сословный эгоизм. Сведущие помещики резонно замечали, что прогресс в земледелии идет совсем в другую сторону. Если в России сохранится великое множество мелких крестьянских хозяйств, да при этом с достаточными материальными ресурсами, то будет неизбежно ограничено развитие внутреннего рынка. Это предостережение не было беспочвенным.

Таким образом, дворянское обсуждение журналов Редакционных комиссий отчетливо выявило различие подходов к готовящейся реформе. Правительственные реформаторы, опасаясь упустить контроль над положением дел, исходили из обязательной регламентации экономических и социальных отношений в реформируемой деревне. Дворяне же выступали против такой чрезмерной регламентации и бюрократической опеки. По мнению руководителей Редакционных комиссий, коронная администрация не могла допустить произвольного подхода к определению новых условий жизни как помещиков, так и крестьян. Они считали, что без чиновничьего надзора успех такого масштабного преобразования невозможен. Как полагали правительственные реформаторы, вся история Российского государства свидетельствует о том, что без административного контроля и регулирования народ очень скоро отучится работать и жить на определенном месте. По мнению же Лисаневича, бюрократическая регламентация никак не вяжется с духом освобождения, хотя и отражает вековые традиции отношения власти к народу. «Нельзя не сознаться, – сетовал предводитель, – что во всей жизни нашего народа мы все и всегда хотим устраивать помимо его нужд и убеждений, а потому впадаем очень часто в страшные ошибки и нескончаемые противоречия» [14, л. 24]. При обязательном наделе, считал Лисаневич, крепостное право, может быть, и будет смягчено, но не будет уничтожено полностью. Ведь крестьян хотят прикрепить к земле. «Личные и по имуществу права крестьян, – настаивал он, – могут и должны быть определены по существующим законам для всех свободных сословий в государстве» [там же].

Весьма энергично настаивал на преимуществах свободных договоров перед обязательным наделением и предводитель дворян Бобровского уезда Д. А. Северцов. В отзыве, составленном в ноябре 1859 г., он заявлял, что страхи бюрократов по поводу крестьянского обезземеливания, лишены оснований. Помещикам просто необходимо будет предлагать землю крестьянам в аренду, и чем больше у них будет земли, тем шире будет предложение. В случае же свободного найма крестьяне будут пользоваться «таким количеством земли, которое бы вполне соответствовало их нуждам и средствам». Не надо забывать, отмечал Северцов, что «добровольные условия исполняются всегда охотнее и вернее, оттого поднялся бы и развился народный кредит». В крайнем случае, помещиков можно обязать отдавать в аренду крестьянам земли по вычисленным хозяйственным департаментом МВД для центральных губерний минимальным размерам. Таким путем было бы предотвращено массовое народное бродяжничество, которого так опасаются чиновники-реформаторы. Но право дворянской собственности нарушать ни в каком случае нельзя. При свободных условиях и при недостатке денежных капиталов, замечал Северцов, «нашлось бы много помещиков, которые бы согласились всю свою землю арендовать крестьянам, отчего еще более увеличилось бы благосостояние сих последних». Помещики, утверждал предводитель, «согласились бы на такую меру тогда тем охотнее, когда бы видели в правительственных властях готовность не буквой, а на деле подтвердить коренные наши законы и милостивые слова государя императора о неприкосновенности помещичьих поземельных прав» [14, л. 60].

Лисаневич и Северцов, конечно, были более либеральны, чем опекуны из стана правительственной бюрократии. Но только с формальной точки зрения. Нельзя забывать что представители высшей администрации не менее резонно указывали на то, что народу едва ли понравится радикальное освобождение и от помещика, и от земли. Не зря Ростовцев уверял, что безземельного освобождения наши крестьяне не примут, а попытка его проведения зажжет Россию [16, с. 466–477].

Весьма острое недовольство воронежских дворян вызвало и строгое предписание проекта Редакционных комиссий о прекращении права помещиков на переселения крестьян. Предводитель дворянства Бобровского уезда Северцов в своем отзыве отметил, что такое ограничение помешает справедливому освобождению. Напротив, заявил он, переселение «есть одно из лучших средств облегчить для помещиков улучшение быта крестьян» [14, л. 48]. В противном случае в деревне на долгие годы сохранится чересполосица, чреватая тяжелыми конфликтами и низкой культурой возделывания полей. Примерно так

же рассуждал предводитель дворянства Новохоперского уезда Л. Богушевский [14, л. 75].

Убедить либеральную бюрократию доводы воронежских дворян не могли. По мнению реформаторов, отход от жесткой регламентации может привести к экономическому хаосу и к крайне опасной социально-политической дестабилизации. Тем более что в кругах социалистически настроенной радикальной интеллигенции уже был озвучен и третий (кроме бюрократического и дворянского) подход к освобождению крестьян, связанный с полным, вплоть до физического, уничтожения дворянства как сословия.

Что же в итоге провозгласил Манифест 19 февраля 1861 г.? О его содержании воронежские крестьяне узнали 10 марта в местных храмах от своих священников. К этому времени во все приходы было завезено свыше 4000 экземпляров Манифеста. Помещики потеряли право собственности на крестьян, бывшие крепостные становились субъектами определенных гражданских и имущественных правоотношений. Крестьяне получили право приобретать собственность и вести самостоятельное хозяйство. В 1861–1863 гг. в Воронежской губернии, как и во всей стране, были составлены и официально утверждены уставные грамоты, т.е. особые документы, в соответствии с которыми дворяне должны были передать усадьбы и часть земельных угодий крестьянам в пользование, а крестьяне обязаны были нести за эти наделы установленные законом повинности. Полученные в пользование земельные наделы крестьяне с течением времени должны были приобрести в собственность путем обязательного выкупа. Кредитором выкупной операции являлось государство, которое назначало фиксированную цену на отведенные крестьянам наделы. После оформления земли в собственность крестьяне обязаны были погашать долг государству так называемыми выкупными платежами в течение 49 лет. Земля передавалась крестьянам по установленным Редакционными комиссиями нормам. Важнейшими критериями расчета была плотность населения, а также существовавшие при крепостной зависимости наделы при их некотором уменьшении [17, с. 103–104]. В Воронежской губернии высшие (или предельные для крестьян) нормы колебались по уездам от 3 до 4 дес. на мужскую душу (1 дес., напомним, равнялась 1,1 га). Небольшая часть безземельных крестьян получила земельные наделы по нижней норме (1/3 высшей), некоторые крестьяне (около 20 %) предпочли получить в собственность так называемый дарственный надел (1/4 часть высшей нормы), за который они не несли повинности и не платили выкуп. В итоге общий размер землепользования бывших помещичьих крестьян сократился примерно на 20–25 % и составил в Воронежской губернии около 450 тыс. дес. [3, с. 270].

Определенные материальные издержки несли помещики при освобождении дворовых людей. Эта относительно немногочисленная категория зависимых людей сохранялась, главным образом, в крупных имениях. При освобождении они не имели права на получение земельного надела, но не способные к работе или не имевшие постоянных занятий должны были в течение двух лет получать материальное содержание от своих бывших господ. При этом взрослые получали по 2 пуда муки в месяц, а также пособия на жилье и одежду. По подсчетам члена губернского присутствия Стишинского, помещики должны были за два года заплатить взрослым бывшим дворовым – мужчинам по 42 р. 10 коп, женщинам – по 40 р. 66 коп., несовершеннолетним – по 18 р. 10 коп. [18, л. 8].

Коронной администрации удалось относительно благополучно провести крестьянскую реформу в жизнь. Но в немалой степени тактический успех преобразования был обеспечен позицией воронежского дворянства. Сразу после оглашения крестьянского освобождения они приняли деятельное участие в формировании института мировых посредников, на плечи которых легла основная нагрузка по составлению уставных грамот и устройству новых правил управления деревней, а также при определении экономических условий раскрепощения. В 1863 г. на основании положений Манифеста 19 февраля 1861 г. была проведена реформа, касавшаяся жизни удельных крестьян, а в 1866 г. последовала аналогичная реформа государственной деревни. Все категории крестьянства становились «свободными сельскими обывателями» с правом и обязанностью приобретать землю в собственность. Но, конечно, реформировать государственную деревню было гораздо проще: здесь не надо было перераспределять земельную собственность, все существовавшие наделы крестьяне сохраняли за собой. В пользовании государственных крестьян находилось около 3 млн дес. земли, бывшие удельные имели около 5 тыс. дес. На 1 двор бывшие помещичьи крестьяне имели в среднем около 5,5 дес., бывшие удельные и государственные крестьяне – свыше 11 дес. земли [19, с. 65].

Законодательство сохранило сословную замкнутость крестьянства. В Воронежской губернии свыше 98 % крестьян являлись общинниками. Земля передавалась в пользование, а затем и в собственность всего сельского общества. Распределение угодий осуществлялось сельским сходом домохозяев, как правило, уравнительно по числу мужских душ и с периодическими переделами. Сохранялась круговая порука при исполнении государственных, земских и иных повинностей, а также при нарушениях общественного порядка.

Тем не менее, крестьянская реформа сыграла выдающуюся роль в судьбе России. В Воронежской

губернии отмена крепостного права привела к росту мобильности крестьянства, развитию сельского и городского предпринимательства. Многие крестьянские хозяйства пригородных районов начали переходить к товарно-рыночным отношениям [20, с. 91–110]. Наряду с этим в экономике и в социальных отношениях стали нарастать те негативные тенденции, о возможности появления которых предупреждали дворянские депутаты. Принудительное наделение земель по установленным нормам и обязательный выкуп привели к быстрому росту относительной избыточности аграрного населения. С течением времени стало резко сокращаться душевое земельное обеспечение крестьян. Средний душевой надел всех категорий крестьян за пять пореформенных десятилетий сократился в губернии почти в два раза – с примерно 4,5 дес. до 2,6 дес. Неблагоприятная экономическая конъюнктура, натурально-потребительское и с рыночной точки зрения неэффективное хозяйство породили атмосферу крестьянского малоземелья, а вместе с ней и проблему «оскудения Черноземного центра».

Как и предвидели воронежские дворяне, очень ощутимыми оказались и материальные потери частных землевладельцев. Утратив право на бесплатный труд крепостных, многие помещики не смогли перестроить свои хозяйства и не выдержали экономических трудностей. К началу XX в. примерно 40 % дворянских земель было распродано. Все это привело к росту социально-политической напряженности. Массовые погромы помещичьих усадеб во время революции 1905–1907 гг. поставили власть перед жгучей потребностью «второго раскрепощения». Так именовался в ту пору аграрный курс правительства П. А. Столыпина, направленный на ликвидацию общинных порядков и приватизацию крестьянской наделной земли. Программа масштабного реформирования включала в себя рациональное землеустройство, развитие просвещения, кооперации, агрономической и ветеринарной помощи, переселения крестьян на свободные земли за Уралом. За оставшиеся до начала мировой войны годы новое «раскрепощение» принесло ряд обнадеживающих результатов. Но запоздавшая программа реформирования требовала длительного времени. Разразившаяся мировая война, а вслед за ней и грандиозная революционная ломка старого режима показали, что такого времени у российской монархии не оставалось.

ЛИТЕРАТУРА

1. История России XIX – начала XX в. : учебник / под ред. В. А. Федорова. – М., 2002.
2. Материалы по географии и статистике России, собранные офицерами Генерального штаба. Воронежская губерния / сост. В. Михалевич. – СПб., 1862.

3. Очерки истории Воронежского края. – Воронеж, 1961. – Т. 1.
4. *Зайончковский П. А.* Отмена крепостного права в России / П. А. Зайончковский. – М., 1968.
5. *Захарова Л. Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861 / Л. Г. Захарова. – М., 1984.
6. *Дружинин Н. М.* Русская деревня на переломе / Н. М. Дружинин. – М., 1978.
7. Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян, вышедших из крепостной зависимости. – СПб., 1861. – Т. 1.
8. *Терпигоров С. Н.* (С. Атава). Оскудение / С. Н. Терпигоров. – М., 1958. – Т. 1.
9. ГАВО. – Ф. 29. – Оп. 1. – Д. 597.
10. ГАВО. – Ф. 29. – Оп. 1. – Д. 633.
11. *Христофоров И. А.* «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1850 – середина 1870-х гг. / И. А. Христофоров. – М., 2002.
12. *Долбилов М. Д.* Дворянский предводитель и крестьянская реформа : политическая неудача князя И. В. Гагарина / М. Д. Долбилов // *Общественная и культурная жизнь Центральной России в XVII – начале XX века.* – Воронеж, 1999.
13. *Шевченко М. М.* Помещичьи крестьяне Воронежской губернии накануне и в период падения крепостного права : дис. ... канд. ист. наук. / М. М. Шевченко. – Воронеж, 1956.
14. ГАВО. – Ф. 29. – Оп. 1. – Д. 659.
15. ГАВО. – Ф. 29. – Оп. 1. – Д. 781.
16. Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. Хроника деятельности комиссий по крестьянскому делу Н. П. Семенова. – СПб., 1889. – Т. 1.
17. *Долбилов М. Д.* Статистический эксперимент реформаторов : коллизии в расчетах высших размеров крестьянских наделов при освобождении / М. Д. Долбилов // *Россия сельская XIX – начало XX века.* – М., 2004.
18. ГАВО. – Ф. 26. – Оп. 1. – Д. 10.
19. Воронежская энциклопедия : в 2 т. – Воронеж, 2008. – Т. 2.
20. *Перепелицын А. В.* Крестьянские промыслы в центрально-черноземных губерниях России в пореформенный период / А. В. Перепелицын. – Воронеж, 2005.

Воронежский государственный университет

Карпачев М. Д., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России
E-mail: m-karpach@mail.ru
Тел.: 8 (473) 224-75-14

Voronezh State University

Karpachev M. D., Doctor of Historical Science, Professor, Head of the Russian History Department
E-mail: m-karpach@mail.ru
Tel.: 8 (473) 224-75-14